

УДК 821.111-94 Берд.09

А.П. Шульга

РОЛЬ И ОБРАЗ АВТОРА В ЛИТЕРАТУРНОЙ БИОГРАФИИ Э. БЕРДЖЕССА «УИЛЬЯМ ШЕКСПИР. ГЕНИЙ И ЕГО ЭПОХА»

Проблема образа и роли автора в художественном произведении – одна из центральных в литературоведении второй половины XX века. Изучению функций и фигуры автора посвящены работы В.В. Виноградова [4], М.М. Бахтина [2], Р. Барта [1], М. Фуко [7] и др. Как считает современный литературовед Е.И. Орлова, «Это связано и с развитием самой литературы, которая (особенно начиная с эпохи романтизма) все сильнее подчеркивает личностный, индивидуальный характер творчества, появляются многообразнейшие формы “поведения” автора в произведении. Это связано и с развитием литературной науки, стремящейся рассматривать литературное произведение и как особый мир, результат творческой деятельности создавшего его творца, и как некое высказывание, диалог автора с читателем» [6, с. 3].

Актуальность заявленной нами темы обусловлена также исключительной важностью роли автора в произведениях биографического жанра, поскольку именно от него зависит решение ключевых текстуальных задач: сбор, анализ, обработка документальных источников; построение композиции и концепции видения героя; интерпретация материала; степень художественности и научности жизнеописания; заполнение «белых пятен»; включение творческого наследия субъекта биографии в канву текста и т. д.

А.П. Шульга, 2014

При этом мы можем констатировать тот факт, что данная тема – в отношении Э. Берджесса – ещё не становилась предметом специального исследования ни в отечественном, ни в западном литературоведении. Можем указать лишь на одну статью, косвенно относящуюся к заявленной теме: «Художественные биографии Энтони Берджесса: романтическая симпатия, ориентированный на традицию модернизм, постмодернистский вампиризм?» О. Хаффен – обзорную по своему характеру работу, где рассматриваются биографические романы Э. Берджесса в контексте постмодернистских идей [9].

Цель нашей статьи – проанализировать концепцию автора, его роль и способы проявления в литературной биографии Э. Берджесса «Уильям Шекспир. Гений и его эпоха». Достижение заявленной цели предусматривает выполнение следующих задач: определить авторскую позицию по отношению к биографическому тексту, рассмотреть степень авторского присутствия в биографии, а также взаимодействие авторской модальности с другими членами коммуникативного дискурса.

Объект исследования – литературная биография Э. Берджесса «Уильям Шекспир. Гений и его эпоха» (2001), предмет – концепция автора в данном произведении.

В качестве методологической основы использовались описательно-аналитический и интерпретационный методы.

Развитие литературоведения во второй половине XX века обусловлено влиянием постмодернистских интеллектуальных практик. В 60-х годах XX века концепция автора была переосмыслена, сместив фокус внимания исследователей с личностных, индивидуально-психологических характеристик на аспекты дискурсивно-текстологические. Как, например, в работе французского философа Ролана Барта: «С точки зрения лингвистики, автор есть всего лишь тот, кто пишет, так же как “я” всего лишь тот, кто говорит “я”; язык знает “субъекта”, но не “личность”, и этого субъекта, определяемого внутри речевого акта и ничего не содержащего вне его, хватает, чтобы “вместить” в себя весь язык, чтобы исчерпать все его возможности» [1, с. 386]. Данные философские воззрения повлияли на развитие биографического жанра и привели к пересмотру отношений к таким понятиям как

возможность достоверного воссоздания прошлого, возможность постижения сути чьей-либо жизни и истории, роль автора в создании биографии, интертекстуальность, что привело не только к изменению понимания роли автора, его героя, читателя с позиции полисемантической интерпретаций, но и расщеплению писательского «я» на систему функций и влияний.

Согласно исследовательнице творчества Э. Берджесса Од Хаффен, «В художественной литературе реализма или научной биографии, присутствие издателя или имя биографа считалось гарантией серьезности и аутентичности; Берджесс в игровой форме меняет принципы посредством своего вездесущего присутствия под личиной множества масок. <...> он парит между реальной жизнью и фантазией, между написанным миром Энтони Берджесса и реальным миром Джона Уилсона, между литературностью и эссеистичностью» [9, с. 140]. (Полное имя писателя – Джон Энтони Берджесс Уилсон – А.Ш.).

И действительно, в литературной биографии «Шекспир. Гений и его эпоха» одновременно сосуществуют разные типы нарраторов: объективный биограф, беспристрастный историк, скрупулезный литературовед, увлеченный лингвист, поклонник творчества У. Шекспира, внимательный читатель и другие. Э. Берджесс апеллирует к читателю, призывая его к сотворчеству, отказываясь от какой бы то ни было авторской претензии на истину, окончательность: «Я провозглашаю здесь право каждого из многочисленных поклонников Шекспира создать собственный портрет этого человека <...> естественно, каждый хотел бы раз и навсегда покончить с ложным, недостойным образом» [3, с. 6]. Однако вопреки декларируемому намерению до конца разрешить все загадки, связанные с фигурой У. Шекспира, их в тексте становится только больше, и в этом, очевидно, суть авторского замысла. Сошлемся на литературоведа А.Б. Наделя: «Посредством факта и критики, биография стремится демифологизировать личность, но неизбежно данный процесс приобретает иронический эффект, так как читатели замещают старые мифы новыми, если читают биографию не критично» [8, с. 178].

Целью Э. Берджесса является не столько обогатить знаниями читателя, сколько стимулировать интерес и заставить работать воображение: «Джон Шекспир торговал перчатками. Но должно быть, не отказывался и от торговли сопутствующими товарами. Вероятно, он покупал живых телят и, прежде чем выделывать шкуру для перчаток, продавал мясо. Конечно, некоторые исследователи считают его мясником, и картина выглядит так: пока его юный сын Уильям подводит итог эволюции драмы от кровавого жертвоприношения, отец убивает телят под аккомпанемент высокопарных речей, как если бы он был Брутом, а маленькие животные – Цезарями. Вспомните “Гамлета”» [3, с. 20].

В литературной биографии «Шекспир. Гений и его эпоха» Э. Берджесс вместо того, чтоб создавать эффект объективного повествования, как того требует специфика биографического жанра, повсеместно подчеркивает свое идиосинкратическое присутствие в тексте обращениями к читателям, тем самым разрушая объективность повествования: «С удовольствием сообщаю обожателям Уилла, высоко нравственного художника, что тот предавался блуду до брака и что у нас имеются доказательства» [3, с. 70].

Встречаются в тексте обращения автора не только к читателям, но и к герою своего повествования – Уильяму Шекспиру: «И от своих новых друзей Уилл узнал, что сэр Уолт Стинк, который курит табак, вызывает презрение из-за своей хитрости и вероломства, ибо он соблазнил фрейлину королевы. Разве не королева сослала его в Тауэр в 1592 году за осквернение чести фрейлины? Он был в дружеских отношениях с пуританами. И он был атеистом. Разве можно мириться с таким, мой господин? Можно, Уилл, чего на свете не бывает» [3, с. 158].

Автор озадачивает нас, заставляя разбираться в том, чей голос мы слышим, кто задает вопрос, и кто на него отвечает. На первый взгляд, кажется, что повествователь обращается к главному герою книги – Уильяму Шекспиру. Но, если вспомнить, что полное имя Э. Берджесса – Джон Энтони Берджесс Уилсон (Wilson – Will's son), и, если учесть, что обращение «мой господин» (my lord) неоднократно появляется в романе Э. Берджесса «Влюбленный Шекспир» из

уст Шекспира по отношению к Саутгемптону, то данная однозначность уже не кажется столь очевидной.

В литературной биографии «Шекспир. Гений и его эпоха» Э. Берджесс продолжает начатую в биографическом романе «Влюбленный Шекспир» игровую стратегию намеренного слияния своей личности с личностью героя биографии: «Мы все Уилл. Шекспир – имя одного из наших спасителей» [3, с. 382]. В некотором смысле Джон Уилсон говорит «мы», потому что он – действительно сын Уилла (Will's son), и в то же время писатель как бы дарит жизнь на страницах своих произведений У. Шекспиру, выступая его создателем, творцом, отцом. Напомним, что отца великого драматурга также звали Джоном. На наш взгляд, Э. Берджесс намеренно смешивает различные повествовательные инстанции и позиции, достигая размывания такого понятия, как «автор», в целом.

Повествование в литературной биографии «Шекспир. Гений и его эпоха» в основном ведется от третьего лица, что типично для нарративной стратегии биографического жанра, так как «лучше всего производит иллюзию беспристрастного отчета, <...> но, – как предостерегает английский историк и литературовед Фрэнк Кермоуд, – это все же иллюзия, эффект риторического приема» [10, с. 155].

Однако очевидно, что Э. Берджесс и не стремится поддерживать «иллюзию» объективности, поскольку в ткань повествования постоянно врываются реплики разных персонажей от первого лица: главного героя («Принеси еще вина, девочка, мадеры с Канарских островов, а не той дряни от Квинси» [3, с. 347-348]); учителя латыни («Сегодня, ребята, мы приступим к латинскому, и, возможно, вам будет интересно узнать, почему мы трудимся в наши дни над языком давно вымершего народа. Не зевай, Уитерби» [3, с. 35-36]); проповедника («Смотрите, как осуждает грех прелюбодея цвет святой чистоты, в который он облачен» [3, с. 374]); должностных лиц («Если мы соберем достаточное количество голосов, нам удастся отделаться от него, вместе с его предложением!» [3, с. 21]) и др. В некоторых случаях повествование строится как диалог актеров с Шекспиром, либо же оказывается монологом/диалогом/полилогом актеров и/или

их сценических персонажей. В отдельных эпизодах текста звучит сразу несколько голосов, и авторский голос растворяется в них.

Многочисленными являются и обращения других персонажей биографии в адрес главного героя: «“Зимняя сказка” гораздо более обнадеживающа. Формально она сделана топорно: в качестве хора выступает Время, которое своим разъяснением пытается заполнить зияющую пустоту в шестнадцать лет между первым и вторым актами. Бен Джонсон, должно быть, застонал (неужели Уилл никогда не научится?)» [3, с. 360] или «Красивых молодых вельмож было немало; но только один стал крестным отцом такого труда, как «Венера и Адонис». Вот идет его светлость. Это ему посвящена та «Венера». Да, да, игривые метафоры, медоточивость. О сладкоголосый господин Шекспир» [3, с. 159-160]. В данном случае дискурс нарратора прерывается несобственно-прямой речью персонажей в адрес главного героя произведения, что еще больше усложняет восприятие образа главного героя и создает ощущение многоголосия и конфликта идей.

Постоянные переключения из одной семиотической системы осознания в другую акцентируют условность объективного биографического произведения и, таким образом, подчеркивают его игровой характер. В литературной биографии «Шекспир. Гений и его эпоха» читателю приходится активно домысливать и творчески выстраивать собственные субъективные выводы, что вполне согласуется с общей интеллектуальной атмосферой второй половины XX века, когда культ Автора вполне логично уступил место культу Читателя – нового Dieu cache («сокровенного Бога») – наделяющего слова смыслом, именующего вещи и упорядочивающего мир согласно своим взглядам. Смещение акцентов от фигуры автора к фигуре читателя, наметившееся с 1960-х годов XX века, свидетельствует о смене интерпретативных парадигм в западном литературоведении, поскольку автор – фигура, характерная для культурных традиций с ярко выраженной ориентацией на оригинальность, в то время как постмодернизм принципиально «вторичен», составлен из цитат, отсылок, отголосков различных других культурных текстов [5, с. 1175].

Литературная биография Э. Берджесса пробуждает интерес к прошлому, побуждает читателя размышлять. Автор задает на страницах своего произведения вопросы читателю, например: «Кто скрывается за маской Смуглой леди?» [3, с. 199]. Затем предлагается множество потенциальных ответов, однако все они подытоживаются следующим утверждением: «Самое лучшее – оставить Смуглую леди анонимной, даже выдуманной» [3, с. 202]. Или – при обсуждении шекспировской пьесы «Цимбелин» – автор вопрошает: «Здесь снова, как в “Перикле”, Шекспир явно работает на пару с кем-то. Почему? Неужели он не мог создать ничего лучше в своей полуотставке?» [3, с. 362]. Однако вопросы остаются без ответа.

Цель автора – не столько создать объективный портрет героя жизнеописания или предоставить на суд читателей развенчанные старые или неизвестные новые факты из его творческой или личной жизни, сколько обогатить уже сформированный массовым сознанием образ собственной интерпретацией и побудить читателя к тому же.

Подводя итоги, отметим, что роль и функции автора в литературной биографии «Уильям Шекспир. Гений и его эпоха» рассмотрены с позиции полисемантической интерпретаций. Автор биографии разрушает объективность повествования и акцентирует иллюзию авторского присутствия повсеместными обращениями к читателю и героям жизнеописания. Смешивая различные повествовательные инстанции, он проблематизирует границы между фактом и вымыслом, объективностью и субъективностью, а также ставит под вопрос саму возможность их дифференциации. Подобное отсутствие единой структуры и единого взгляда на биографические события приводит к тому, что именно за читателем остаётся право обнаружения истины. Причем все потенциальные выводы имеют одинаковое право на существование, вне зависимости от того, насколько они документально фундированы. Следовательно, прошлое не воспринимается как нечто завершенное, свершившееся и неизменное. Литературная биография «Шекспир. Гений и его эпоха» ставит под вопрос саму возможность единого, абсолютного исторического знания, тем самым соответствуя духу современной

эпохи: «Что же касается сына, умершего от лихорадки, или заражения крови, или падения с дерева, или укуса бешеной собаки, Шекспиру предстояло найти ему замену не в виде продолжателя своего рода, но своего воображения» [3, с. 219].

В дальнейшем предполагается более углубленно исследовать вопрос взаимодействия в литературной биографии Э. Берджесса «Шекспир. Гений и его эпоха» фигуры автора с другими коммуникативными инстанциями, такими как главный герой и читатель, их роли и особенности функционирования.

Литература

1. Барт Р. Смерть автора / Ролан Барт // Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Ролан Барт; [пер. с фр.] / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. – М.: Прогресс, 1989. – С. 237-240.
2. Бахтин М.М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук / Михаил Бахтин. – М.: Азбука, 2000. – 334 с.
3. Берджесс Э. Уильям Шекспир. Гений и его эпоха / Энтони Берджесс; [пер. с англ. Г.В. Бажановой]. – М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2001. – 383 с.
4. Виноградов В.В. Проблема образа автора в художественной литературе / В.В. Виноградов // О теории художественной речи / В.В. Виноградов; [послесл. Д.С. Лихачева]. – М.: Высшая школа, 1971. – С. 105-211. – (Библиотека филолога).
5. Новейший философский словарь / [сост. А.А. Грицанов]. – 2-е изд. – Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. – 1280 с. – (Мир энциклопедий).
6. Орлова Е.И. Образ автора в литературном произведении: Учебное пособие / Е.И. Орлова. – М.: МГУ, 2008. – 44 с.
7. Фуко М. Что такое автор? / Мишель Фуко // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / Мишель Фуко; [пер. с фр., комм. и послесл. С. Табачниковой]. – М.: Касталь, 1996. – С. 7-46.
8. Nadel I.B. Biography: Fiction, Fact and Form / Ira Bruce Nadel. – N. Y.: St. Martin's Press. – 248 p.
9. Haffén A. Anthony Burgess's fictional biographies: romantic sympathy, tradition-oriented modernism, postmodern vampirism? / Aude Haffén // Anthony Burgess and modernity / Ed. A.R. Roughley. – Manchester; N.Y.: Manchester University Press, 2008. – P. 131-146.

10. Kermode F. *The Genesis of Secrecy: On the Interpretation of Narrative* (The Charles Eliot Norton Lectures) / Frank Kermode. – Cambridge: Harvard University Press, 1979. – 196 p.

Анотація

Г.П. Шульга. Роль і образ автора в літературній біографії Е. Берджесса «Вільям Шекспір. Геній і його епоха».

У статті аналізується роль і постать автора, а також способи його втілення в літературній біографії Ентоні Берджесса «Шекспір. Геній і його епоха» (2001). Досліджується авторська позиція по відношенню до біографічного тексту, ступінь авторської присутності в життєписі, а також взаємодія авторської інстанції з іншими членами комунікативного дискурсу, зокрема з читачем. Акцентується зміна інтерпретативних парадигм в літературній біографії Е. Берджесса з постаті автора до фігури читача, що призвело до наступних комунікативних трансформацій: відсутність авторського першоправа на істину, а також єдиного погляду на біографічні події в житті головного героя підштовхнуло читача вибудовувати власні висновки та шукати суб'єктивну істину. В статті підкреслюється, що мета автора – не достовірно відтворити історію та особистість, а проблематизувати кордони між об'єктивністю та суб'єктивністю, фактом та вигадкою, реальністю і фантазією.

Ключові слова: автор, літературна біографія, біографічний жанр, об'єктивність, суб'єктивність, інтерпретація, читач, факт, вигадка.

Аннотация

А.П. Шульга. Роль и образ автора в литературной биографии Э. Берджесса «Уильям Шекспир. Гений и его эпоха».

В статье анализируется роль и образ автора, а также способы его воплощения в литературной биографии Энтони Берджесса «Шекспир. Гений и его эпоха» (2001). Исследуется авторская позиция по отношению к биографическому тексту, степень авторского присутствия в жизнеописании, а также взаимодействие авторской инстанции с другими членами коммуникативного дискурса, в частности с читателем. Акцентируется смена интерпретативных парадигм в литературной биографии Э. Берджесса с фигуры автора на фигуру читателя, что приводит к следующим коммуникативным трансформациям: отсутствие авторского первоправа на истину, а также единого взгляда на биографические события в жизни

главного героя побудило читателя выстраивать собственные выводы и искать субъективную истину. В статье подчеркивается, что цель автора – не достоверно воссоздать историю и личность, но проблематизировать грань между объективностью и субъективностью, фактом и вымыслом, реальностью и фантазией.

Ключевые слова: автор, литературная биография, биографический жанр, объективность, субъективность, интерпретация, читатель, факт, вымысел.

Summary

A.P. Shulga. The Role and the Figure of the Author in the Literary Biography «Shakespeare» by A. Burgess.

The article analyzes the role and the figure of the author, his embodiments in the literary biography «Shakespeare» (1970) by Anthony Burgess. The author's position in relation to the biographical text, the level of author's presence in the text and the author's interaction with other members of the communicative discourse, in particular with the reader, are investigated. The change of interpretive paradigms from the figure of the author to the figure of the reader in the literary biography «Shakespeare» by A. Burgess is emphasized. It caused the following communicative transformations: the absence of the right of the author to the truth, as well as a consensus of views emerging on biographical events in the life of the hero made the reader to find the subjective truth and to draw his own conclusions. The article stresses that the author's aim is not to represent history and a hero authentically, but to doubt boundaries between objectivity and subjectivity, fact and fiction, reality and imagination.

Key words: author, reader, literary biography, biographical genre, objectivity, subjectivity, interpretation, fact, fiction.